

УДК 005.5:331.103

ПОЭЗИЯ «ПРОЗЫ ТРУДА»: НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА А.К. ГАСТЕВА И ЕЕ МЕСТО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Старикова Екатерина Васильевна¹,
katstr00@gmail.com

Преображенский Герман Михайлович²,
e1525@mail.ru

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.

² Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34.

Старикова Екатерина Васильевна, кандидат философских наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Преображенский Герман Михайлович, специалист по марксистской философии, преподаватель Открытого университета Томского государственного университета.

Статья посвящена анализу основных работ известного советского теоретика труда Алексея Капитоновича Гастева. Актуальность данной темы связана с необходимостью возобновить научный интерес к советской школе управления и ее разработкам, которые особенно ценны в контексте современной теории менеджмента, ориентированной на значимость трудовых ресурсов и необходимость их развития. Основные работы А.К. Гастева были написаны в 20-е гг. XX века, однако затем, в годы репрессий и после них, были исключены из поля изучения советских исследователей. В дальнейшем труды ученого были переизданы лишь в 70-е годы, однако в настоящий момент можно говорить о крайней недостаточности исследований, посвященных основным идеям А.К. Гастева. В данной статье сравниваются американская школа научного управления – преимущественно в лице ее основателя Ф. Тейлора – и советская школа научного управления, обосновывающая уникальность и особенность советской школы в связи с ее основной идеей освобождающего и самоорганизованного труда. Кроме того, приведены теоретические основания в связи с идеей А.К. Гастева вырабатывать методику обучения простейшим трудовым движениям, что было необходимо в контексте нового подхода к управлению. Именно советская школа управления закладывает основания для современной ценностной установки к трудовым ресурсам, где на передний план выходят антропологические, социально-философские и экологические аспекты трудовой деятельности.

Ключевые слова: Гастев А.К., научная организация труда, Центральный институт труда, тейлоризм, постфордизм, трудовые установки.

Русскому и советскому читателю Алексей Капитонович Гастев известен прежде всего как теоретик труда, основатель Института труда, автор концепции научной разработки трудовых навыков. Как и многие деятели революционных 20-х Гастев в последствии подвергся репрессиям и в годы большого террора был расстрелян, а работы его надолго (до 70-х) были забыты. Тем не менее именно Гастев относится к тем фигурам первой величины (наряду с Бернштейном, Богдановым, Лесгафтом), которых невозможно обойти стороной, когда мы говорим о теории труда и концепциях его рационального переустройства, которые зачастую соотносятся с фордизмом и постфордист-

ской установкой как контрастирующие с ней, а иногда как продолжающие или дополняющие ее. В отличие от теоретика менеджмента и организации труда Фредерика Тейлора принято считать, что Гастев делает основной упор на человеке труда, на антропологическом и телесном факторе в производстве.

Интерес к Гастеву в нашей статье обусловлен необходимостью обозначить различие между тейлоризмом – американской школой менеджмента – и советской школой управления, которая зачастую полагается вторичной; кроме того, следует актуализировать необходимость интеллектуального и физического совершенствования рабочих в процессе труда, что было важным, основополагающим моментом именно для советской школы, и особенно отчетливо представлено в трудах Гастева. Эти две необходимости являются также следствием антропологического поворота в современной теории управления, который связан с интересом к работнику как к развивающемуся индивиду. В данной статье мы анализировали следующие работы Гастева: поэтический сборник «Поэзия рабочего удара» (1918), «Как надо работать» (1921) и «Трудовые установки» (1924).

Важным отличием как от тейлоризма, так и от фордизма является то, что для Гастева труд – это в первую очередь освобождающая и преобразующая практика, совершенно в духе марксизма, а затем уже практика производящая и производственная [1]. Представления о коммунистическом труде по Гастеву очень близки по своим характеристикам к непроизводительному раскрепощающему труду коммунаров в «Чевенгуре» Андрея Платонова. Коммунистический труд производит новое, преодолевая отчуждение, увеличивает жизненные силы человека, делает процесс труда творческим актом. Жители коммуны постоянно чем-то заняты: они переделывают названия, перетаскивают клумбы, собирают дикорастущие растения – пролетарии и готовят из них похлебку, меняют тактику своих повседневных отношений и культуру речи – все это модальности освобождающего труда, и наиболее ярко на примере прозы Платонова мы видим, как коммунистический раскрепощающий и освобождающий труд, если и пересекается с трудом производительным, то не в самой своей основе и тем более не в своей цели [2].

Отсюда становится понятным, что Тейлор и Форд уделяют большее внимание организации производства и поведению единиц (что и составляет менеджмент) в процессе труда. Их труд – это труд наемный и принудительный, прежде всего это труд человеческого материала и ресурса, труд человеческих и производственных единиц – в этом случае, как в типическом случае капиталистического производства, человек – это винтик системы, бездушный, отчужденный от своей природной сути и послушный «системе» [3]. Система же выстроена с таким расчетом, чтобы производить максимальное количество и товара, и прибавочной стоимости – здесь все построено не столько вокруг производительности труда (которая в случае коммунистического труда тоже может иметь раскрепощающий и освобождающий ресурс), – сколько вокруг его удешевления и оптимизации. «Конечно, рабочий не может вполне непрерывно находиться в движении, как маховое колесо, которое вертится. Но во всяком случае надо, чтобы он оставался и отдыхал только *абсолютно* *необходимую* долю времени, ровно такую, сколько требуется для продолжения надлежащих усилий», – иронично комментирует А. Богданов тейлоровский подход [4, с. 6].

Итак, Гастева и других революционных теоретиков труда интересовал прежде всего раскрепощающий человека, творческий труд, который ведет к максимальной производительности, но не в целях обогащения капиталиста, а с целью демонстрации мощи и величия идеологически победившего человека труда. Именно поэтому теоретики коммунистического труда заботятся о максимальной телесной оптимизации работы,

о согласованности ее различных аспектов для того, чтобы гармонизировать процесс труда вокруг поддерживающего на высоком уровне свою мощь человеку. Так Богданов говорит о том, что в производстве нужен человек, а не «живая машина». Важной чертой работника для него является интеллигентность, в противоположность отупению, которое вредит и работнику, и машинному производству. В этом смысле тейлоризм для Богданова демонстрирует скорее «совершенствованные способы эксплуатации, чем улучшенные способы производства» [4, с. 4]. Отсюда установка взять у научной школы организации труда только то, что не будет способствовать эксплуатации. Поэтому Тейлор, действовавший в интересах акционерного общества, должен быть отделен от Тейлора, сформулировавшего полезные элементы для развития общества в целом.

Капиталистический труд лишает человека сил, построен на высасывании соков из эксплуатируемого индивида, коммунистический труд нацелен на возрастание сил трудящегося человека и самовозрастание его мощи в процессе труда. Высвобождение сил, преобразующая мощь труда, творчество – вот те сущностные силы (марксовский оборот), за которыми закрепляется несущее право быть теоретиками коммунистического труда. Именно отсюда поэтизация труда у Гастева, – а он начинал, напомним, как поэт, воспевавший освобожденный труд [5] – сродни его теории труда, это не внешняя созерцательная, отчужденная установка поэта, напротив, в своей теории Гастев реализовался как подлинный поэт «прозы будней», как преобразователь и творческий подвижник освобождающего труда. Своим последним художественным произведением Гастев (совершенно в марксистском духе) считал созданный им в 1921 г. ЦИТ (Центральный институт труда). Восхищение и профетизм ранних стихов Гастева органично вливаются и реализуются в его теоретической прозе через телесную гармонизацию труда и построение всей системы трудовых отношений вокруг труда, гармонизирующего рабочего, повышающего его творческие силы, освобожденного труда. В том же направлении мыслил и Н.А. Бернштейн [6] – классик отечественной психофизиологии, сотрудник Гастева по ЦИТ, автор направления «физиология активности».

Теоретическая эволюция взглядов Гастева, а, по сути, к моменту репрессии и ареста он был еще молодым человеком (1882–1939), выглядит следующим образом: от поэтизации труда в конце 10-х гг. через создание теории гармонизирующего телесного труда начала 20-х («Как надо работать», 1921) до создания элементной базы раскрепощающего труда и ее базового алфавита («Трудовые установки», 1924). «Нам надо воскреснуть, поднять к небывалой жизни огромный материковый пласт. И еще больше» [5, с. 263].

Маркс сосредотачивает свой анализ на товаре и производстве, обнажая суть меновой стоимости через прибавочную стоимость, и суть идеологии через механизм эксплуатации в труде. Для Маркса (как подчеркивают и Э. Ильенков, и Л. Альтюссер) важно в анализе материального производства подготовить и критически обосновать те революционные социальные изменения, которые необходимы современному обществу для того, чтобы перейти к освобождению пролетария – человека труда. Для Гастева это на сто процентов верный заход, но его НОТ (научная организация труда) идет еще дальше: он революционизирует саму механику производства путем ее анализа и поэлементного перемонтажа. Его разработки по методу трудовых установок – анализ оптимизированных форм и элементов движения тела рабочего в процессе труда – создают революционную основу для переописания схематизмов поведения тела в процессе работы. Но дело естественно не только, и даже не столько в телесных навыках, сколько в более широко понятых «трудовых навыках», таких как «зоркость», «ловкость», «сноровка», – «надо создавать армии физических, психологических и организационных си-

лачей» [5, с. 263]. Гастев как революционер входит в процессы производства, создает вначале институт по переустройству схем и привычных механизмов труда, а затем ведет работу как практик производства. Именно к этому периоду относится блок работ; наиболее характерной является «Проектирование поточного производства», в которой Гастев создает полный цикл трудовой практики на примере работ по производству поршневого кольца – это опыт совершенно революционный, который ставит советскую школу НОТ в совершенно особенное положение, особенно с антропологической и научной стороны, по отношению к Тейлору и Форду [1].

Гастев разрабатывает систему правильных движений в процессе труда, первоначально на модели удара зубилом и работы с лопатой. Путем замедленной съемки и методом «циклографии» создания траекторий движений рабочего и определения «нормали» – оптимальных движений в процессе той или иной операции. Цель не только в поднятии производительности труда, а в увеличении мощи и высвобождении сил рабочего – не бояться труда (на износ), а идти навстречу труду, использовать его как революционный инструмент освобождения. Практические навыки и должны практически трансформироваться, обучение труду должно строиться на общей теории труда. Культура труда – это не «начитанность», а сноровка, и воспитывается она не агитацией, а тренажем.

Таким образом, Гастев в течение 20–30х гг. создает на стыке экономики, пролетарской теории, психофизиологии совершенно уникальную систему рационализаторской организации труда, а созданный им ЦИТ продолжил свое существование вплоть до конца 1940-х в СССР. И достижения методик, созданных в ЦИТ, и по сей день высоко оцениваются во всем мире.

В работе «Трудовые установки» Гастев обращается к проблеме педагогической – обучения новых производственных кадров, – рассматривая поочередно специфику передачи знаний и умений в ремесле, на старом заводе, в ремесленных школах, в учебно-кустарных мастерских, в учебных мастерских при заводах и, наконец, в трудовых школах, которые являются частью новейшего педагогического течения. Если кратко обозначить крайние точки данного списка, то ремесло представляет собой агрессивнопедagogический, высокомерный подход, где ученик «нелегально проверяет свои впечатления на собственном опыте» [7, с. 35] («приглядывается», по выражению Гастева), а не обучается в полной мере. Что же касается трудовых школ, здесь труд не только включен в программу, но и является для нее основополагающим элементом. Однако несмотря на осознанно-методологическую включенность трудовой установки в учебные планы, задача создания «политехнически обработанного ученика, овладевшего минимумом трудовых приемов» [7, с. 43] остается нерешенной. Здесь Гастев формулирует конструктивно-трудовую проблему как неспособность дать некую сумму трудовых приемов и выработать на их основе методику обучения.

Далее Гастев делает обзор школ в ряде стран: Германии, Франции, Англии, Америке, но только лишь для того, чтобы зафиксировать отдельные успехи. Особенно он рассматривает проблему обучения у Тейлора. Признавая, что последний добился определенных успехов в организации производства в связи с используемым им научным подходом, Гастев отмечает, что все же Тейлором не создана методика обучения, а только «система организационного переучивания» [7, с. 61], основанная на личном примере и надзоре, обучения трудовым приемам нет.

Прежде чем сформулировать методику ЦИТа, Гастев указывает нам возможные теоретические основания для нее: «обучение дефективных», «условные рефлексы», «военное обучение», «обучение в массовом производстве» – те, на первый взгляд, до-

вольно неожиданные сферы, в которых есть свои особенные ценные наработки. Так, если говорить о методике обучения людей с особенностями развития, то здесь, например, показателен опыт М. Монтессори, которая, работая со слабоумными детьми, смогла сформулировать важный педагогический принцип, связанный с возможностью облегченного психического развития, необходимости отсутствия подавления и принуждения, что является причиной низкого уровня развития и у здоровых детей. Здесь Гастев, вслед за Монтессори, делает вывод, что пристального внимания требуют не только люди с психическими или физическими отклонениями, но и люди без них. Именно эту необходимость особого внимания он перенаправляет на труд, на трудовой процесс, – эту «юдоль плача» [7, с. 82], – в котором абсолютно необходимо сформировать ценность индивида-работника в противоположность к капиталистическому отношению к работникам как к бесконечному и неценному ресурсу.

По части теории рефлексов Гастев ссылается на работы академика И.П. Павлова, посвященные анализу условных и безусловных рефлексов. В частности, директора ЦИТа интересует хватательный рефлекс: «Для нас особенно интересна самая элементарная форма этого рефлекса, которая будет выражаться как в схватывании рабочего инструмента, так и в особой любви к этому инструменту. С другой стороны, нас будет занимать и высшая форма этого рефлекса, которую мы бы представили себе в форме особой высокой психологической напряженности работника, будет ли это просто физический труд, или же это будет грандиозная социальная цель» [7, с. 74]. В целом здесь можно говорить о возможности исследования использования биологических импульсов, «неоформленных психических состояний» как импульсов трудового процесса.

В том материале, который содержится в военном деле, Гастева интересуют прежде всего тщательно сформулированные инструкционные карты, в которых содержатся «и эмпирически построенный анализ приемов», и «точная формулировка этих приемов». В этом смысле опыт воспитания внутри военного дела дает ценные приемы для педагогики в целом и для трудовой педагогики в частности.

Что касается массового производства, которое позволило задействовать большое количество неквалифицированных рабочих, здесь обучение оказывается успешным за счет ограниченного набора трудовых приемов, что связано со спецификой машинного производства. Возможность быстрого вхождения рабочего в процесс производства – вот основной интерес Гастева в данном аспекте. «Но мы можем все же сказать, что в системе массового производства осталась неразработанной система постепенных установочных нагрузок для рабочего» [7, с. 80].

Гастев имел обширный опыт наблюдения за трудовыми процессами на заводах разных стран, особенно его впечатлили американские, французские и немецкие достижения. Однако все же нигде он не находит методологического обучения трудовым операциям, самые продвинутые опыты связаны с погружением в атмосферу предприятия, но не с педагогикой труда. Гастев также анализирует те сферы деятельности, в которых традиционно есть интерес к обучению телесным движениям – спорт, танец, музыка, – но здесь, как и в случае с Тейлором, речь идет об отдельных выдающихся индивидах (виртуозах), которые выступают для всех прочих основой для подражания.

Вообще же дело не только в отсутствии правильной педагогики обучения трудовым установкам, речь идет о масштабной задаче – социальном инженеризме, который, согласно Гастеву, должен прийти на смену социологии и представлять собой совершенно новую дисциплину. «...Мы должны поставить проблему полной математизации психофизиологии и экономики, чтобы можно было оперировать определенными коэф-

фициентами возбуждения, настроения, усталости, с одной стороны, прямыми и кривыми экономических стимулов, с другой» [8, с. 39].

Отсюда особая роль ЦИТа, который по сути является единственно существующей педагогической лабораторией, «где удалось строго изолировать и разложить трудовые приемы, построить тщательное наблюдение, наладить строгий эксперимент, провести серию тренировок и сконструировать тренировочные и контрольные аппараты, установить классификации приемов, наконец, нанять сотрудников и дать массовые опыты приложения метода, и не только по отношению к удару, но и нажимным инструментальным работам, станочной работе и монтажу» [7, с. 82]. Эта поистине широкомасштабная работа была выполнена именно на базе целого института, специально созданного для подобной масштабной цели. Даже если мы будем говорить об общей установке, связанной с таким приемом, как «удар», то поражает количество ее составляющих, вот лишь некоторые из них: среда, статика, динамика, создание предрасположений, конструкция удара, тренировка кисти, тренировка локтя, тренировка плеча, темп, меткость, сила и т. д.

Для чего так подробно необходимо разбирать простейшие трудовые операции, которым на протяжении всей предшествовавшей истории труда вообще не уделялось ни малейшего значения? Зачем усложнять научным разбором то, что всегда схватывалось интуитивно? Помимо уже указанной выше необходимости сформировать совершенно новое ценностное отношение и к труду, и к работнику, включенному в трудовой процесс, речь у Гастева идет и об интеллектуальных способностях рабочего. «Воспитание движений – дорога к воспитанию точной работы мозга» [7, с. 103]. Поскольку труд так или иначе является существенной частью жизни любого человека, необходимо, чтобы эта лучшая и существенная часть жизни была прожита осознанно и наилучшим образом, как с точки зрения раскрытия индивидуальных способностей человека, так и с точки зрения новой организации производства труда в целом. Здесь же мы можем вспомнить знаменитые 16 правил для всякого труда Гастева, которые были сформулированы с целью, как бы мы сейчас сказали, самоменеджмента. Таким образом, данный подход к труду и человеку труда в рамках ранней советской школы управления поощрял интеллектуальное развитие работника и его самоорганизацию. Если опять же сравнивать с американской школой Тейлора, где вся инициатива в трудовом процессе исходила от управленцев (менеджеров), самому же работнику следовало лишь подчиняться, то отличие, сформулированное в работах Гастева, Богданова и др., состоит в том, что труд не был источником принуждения, но источником саморазвития и самоорганизации.

Если же говорить не только о вкладе советской школы НОТ, но и о контексте, в котором нужно воспринимать этот вклад, и о той цели, которой была подчинена эта работа, следует отметить и еще раз четко прописать различие, которое пронизывает сверху донизу всю методологию и практическую работу советской НОТ. Американская школа менеджмента и организации труда ставит целью максимизацию прибыли, советская школа – самовозрастание личности рабочего в процессе труда и освобождение через труд. С фигурой и процессом отчуждения в капиталистической модели производства связано жесткое противопоставление труда и отдыха: отдых освобождает, укрепляет и восстанавливает силы; труд – обескровливает, истощает, выматывает (ср. у Тейлора [3]). В итоге труд – это необходимая повинность, досадная часть самой жизни. Коммунистическая установка в труде должна разорвать этот сложившийся веками образ труда и трансформировать сам облик человека труда. При коммунизме вместе с отчуждением труда стирается и это противопоставление труда и отдыха. Теперь и через

труд, и через отдых должно осуществляться возрастание сил человека, достигаться его освобождение, становится реальным процесс творчества и укрепления физических сил человека. Поэтому из этой разницы в целях необходимо мыслить различие тейлоровско-фордистской и социалистической парадигм.

Например, увеличение производительности труда в капиталистическом производстве имеет целью увеличение производства товаров и в конечном счете приращение прибавочной стоимости и капитализации. В ранней советской модели (1920-е гг.) увеличение производительности труда должно способствовать облегчению задач рабочего, уменьшению времени, затрачиваемого на тот или иной процесс, улучшение самоощущения в процессе труда («я могу больше теперь»), усиление изобретательской составляющей в процессе труда и освобождение его самостоятельности, развитие внутренней творческой смысловой мотивации [9].

Детальная мышечная проработка отдельных операций в процессе труда (работа зубилом, клепка трубки, копка лопатой и др.) были призваны не просто включить тело рабочего в механистичный мир станка и конвейера (как это было в капиталистической модели), а переустроить и чувственно расширить сами возможности тела человека [6], обогатить его ощущения в процессе труда: периоды напряжения-расслабления, длительность и скорость удара, точная траектория необходимая для задействования физиологически правильной комбинации мышц и связок. Все это сближает усилия НОТовцев с современными им театром (биомеханика В. Мейерхольда) и танцевальными экспериментами Далькроза и Дункан [10]. Физиологическая проработка процесса труда по сути меняет местами в противопоставлении труд и отдых: теперь уже труд становится плацдармом для творчества и усовершенствования человеческих ощущений, получения удовольствия и развития человеческой активности.

С таким подходом к экологичности и антропологии труда становится понятной резкая критика и дальнейшие репрессии, которым советская школа НОТ подверглась в середине и конце 1930-х гг. в период сталинизации отечественной экономики. Когда само государство стало антигуманным, когда человек труда стал вновь мыслиться как подчиненная казарменному производству единица, а в государстве стали создаваться лагеря, использующие рабскую силу в труде, понятно, что и идеи освобождения в процессе труда уже встречались враждебно. Трудовые установки, разработанные Гастевым, уже не могли быть взяты на вооружение советской тоталитарной и бюрократической системой. В период сталинских репрессий труд приобрел вновь черты подневольного и изматывающего. Важные характеристики такой подмены фиксирует Варлам Шаламов в своей прозаической серии «Колымские рассказы». Идеологическая подмена сути труда сделала из задачи освобождения в коммунистическом труде лишь пустой лозунг, на деле был совершен поворот от творческого труда к принудительному [11]. Здесь уже мы сталкиваемся по сути дела с третьей моделью труда – трудом тоталитарным. Именно поэтому наибольший интерес современных исследователей вызывает отношение к коммунистическому и революционному труду в 20-х гг., когда механизм государственного репрессивного аппарата еще не сложился.

Итак, различные цели и различный контекст сделали возможными как преемственность, так и противопоставление американской [12] и русской школ менеджмента. Уникальность русской школы НОТ лишь до определенной меры позволяет сближать ее с капиталистической моделью управления трудом. Важно учитывать это различие и не снимать его в процессе как изучения, так и использования на практике достижения отечественной школы научной организации труда.

В современном мире, где все больше и больше исследователей производства и теоретиков труда обращаются к проблеме усталости, выработанности и обессиливания человека труда (при этом трудовой класс в эпоху посткапитализма уже понимается гораздо шире [13]), это развитие может иметь существенное значение и послужить новым интересом к советской школе менеджмента, включению ее в современную интеллектуальную картину производства, и в современную теорию труда. Экологический, антропологический и социально-философский аспекты труда сейчас выходят на первый план, в этой связи четкая антропологическая направленность и этика советской школы НОТ могут иметь эвристическое значение для развития созидательного, не выхолащивающего труда и для освобождения человека труда. Эта задача остается актуальной и выходит на первый план, в том числе, и в ряде социальных государств Западной Европы [14]. Так намечаются пути для сближения когда-то противостоящих школ научной организации труда и для актуализации наследия теоретиков отечественной школы НОТ в наши дни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гастев А.К. Как надо работать. – М.: Экономика, 1972. – 477 с.
2. Преображенский Г. Смысл коммунизма. Опыт ретроспективного исследования. – СПб.: Алетеия, 2011. – 223 с.
3. Управление – это наука и искусство / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд. – М.: Республика, 1992. – 351 с.
4. Богданов А.А. Между человеком и машиной (о системе Тейлора). – СПб.: Прибой, 1913. – 16 с.
5. Гастев А.К. Поэзия рабочего удара. – М.: Художественная литература, 1971. – 301 с.
6. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 287 с.
7. Гастев А.К. Трудовые установки. – М.: Экономика, 1973. – 341 с.
8. Гастев А.К. Наши задачи // У истоков НОТ. Забытые дискуссии и нереализованные идеи. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 336 с.
9. Кравченко А.И. Классики социологии менеджмента: Ф. Тейлор и А. Гастев. – СПб.: Издательство РХГИ, 1998. – 320 с.
10. Сироткина И.Е. Шестое чувство авангарда: танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. – СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2014. – 208 с.
11. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – 672 с. / сост., подгот. текста, вступ. ст., прим. И. Сиротинской. – М.: Книжный Клуб КниговеК, 2013. – 672 с.
12. Тейлор Ф. Научные основы организации промышленных предприятий. – СПб.: Издание Л.А. Левенстерна, 1912. – 119 с.
13. Bègue F. Suicide et travail: que faire? – Paris: PUF, 2009. – 312 p.
14. Dejour Ch. Travail, usure mentale – De la psychopathologie à la psychodynamique du travail. – Paris, Bayard, 1980. – 445 p.

Поступила 20.03.2018 г.

POETRY OF THE «LABOUR PROSE»: GASTEV'S SCIENTIFIC ORGANIZATION OF LABOUR AND ITS PLACE IN THE MODERN MANAGEMENT CONTEX

Ekaterina V. Starikova¹,
katstr00@gmail.com

German M. Preobrazhensky²,
e1525@mail.ru

¹ National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.

² Tomsk State University,
34, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.

Ekaterina V. Starikova, Cand. Sc., associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University.

German M. Preobrazhensky, specialist in Marxist philosophy, lecturer, Tomsk State University.

The article is devoted to the analysis of the main works of the famous Soviet theoretician of labor Aleksey Kapitonovich Gastev. The relevance of this topic is related to the need to renew the scientific interest to the Soviet school of management and its development, which are especially valuable in the context of modern management theory, oriented to the importance of human resources and the need for their development. Gastev's main works were written in the 1920-s of the XX century, but then, during the years of repression and after them, they were crossed out of the field of study by Soviet researchers. Later, the works of the scientist were reissued only in the 1970-s, but at the moment one can speak of the extreme lack of researches on Gastev's main ideas. This article compares the American school of scientific management – principally in the person of its founder F. Taylor – and the Soviet school of scientific management, justifies the uniqueness and peculiarity of the Soviet school in connection with its basic idea of liberating and self-organized labor. In addition, the paper introduces the theoretical grounds related to the idea of A.K. Gastev to develop a methodology for teaching the simplest labor movements, which was necessary in the context of a new approach to management. It is the Soviet school of management that lays the foundation for a modern value system toward human resources, where the anthropological, socio-philosophical and environmental aspects of labor activity come to the fore.

Key words: Gastev A., scientific organization of labor, Central Institute of Labor, taylorism, post-fordism, labor attitudes.

REFERENCES

1. Gastev A.K. *Kak nado rabotat* [How to work]. Moscow, Ekonomika Publ., 1972. 477 p.
2. Preobrazhenskiy G. *Smysl kommunizma. Opyt retrospektivnogo issledovaniya* [Meaning of communism. Experience in retrospective research]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2011. 223 p.
3. Fayol A., Emerson G., Taylor F., Ford G. *Upravleniye – eto nauka i iskusstvo* [Ford Management is the science and art]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 351 p.
4. Bogdanov A.A. *Mezhdru chelovekom i mashinoyu (o sisteme Teylora)* [Between man and machine (about the Taylor system)]. St. Petersburg, Priboy Publ., 1913. 16 p.
5. Gastev A.K. *Poeziya rabochego udara* [Poetry of the working blow]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. 301 p.
6. Bernshteyn N.A. *O lovkosti i ee razviti* [About dexterity and its development]. Moscow, Fizkultura i sport Publ., 1991. 287 p.
7. Gastev A.K. *Trudovye ustanovki* [Labor installations]. Moscow, Ekonomika Publ., 1973. 341 p.

8. Gastev A.K. Nashi zadachi [Our tasks]. *U istokov NOT. Zabytyye diskussii i nerealizovannyye idey* [At the origins of NOT. Forgotten discussions and unrealized ideas]. Leningrad, Leningrad University Press, 1990. 336 p.
9. Kravchenko A.I. *Klassiki sotsiologii menedzhmenta: F. Teylor i A. Gastev* [Classics of management sociology: F. Taylor and A. Gastev]. St. Petersburg, of the Russian Christian Humanitarian Institute Press, 1998. 320 p.
10. Sirotkina I.E. *Shestoe chuvstvo avangarda: tanets, dvizhenie, kinesteziya v zhizni poetov i khudozhnikov* [The sixth sense of the avant-garde: dance, movement, kinesthesia in the life of poets and artists]. St. Petersburg, EUSPb Press, 2014. 208 p.
11. Shalamov V.T. *Sobraniye sochineniy. T. 1: Rasskazy 30-kh godov; Kolymskiye rasskazy; Levy bereg; Artist lopaty* [Collected works. Vol. 1: Stories of the 30-s; Kolyma stories; Left Coast; Artist of the shovel]. Compilier I. Sirotinskaya. Moscow, Book Club Knigovek, 2013. 672 p.
12. Taylor F. *Naychnyye osnovy organizatsii promyshlennykh predpriyatii* [Scientific foundations of organization of industrial enterprises]. St. Petersburg, Izdanie L.A. Levensterna Publ., 1912. 119 p.
13. Bègue F. *Suicide et travail: que faire?* [Suicide and work: what to do?]. Paris, PUF, 2009. 312 p. In Fr.
14. Dejour Ch. *Travail, usure mentale – De la psychopathologie à la psychodynamique du travail* [Work, mental wear – From psychopathology to work psychodynamics]. Paris, Bayard Publ., 1980. 445 p. In Fr.

Received: 20 March 2018.